

**«СБЛИЖЕНИЕ» ГОСУДАРСТВА И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА:
УПЛАТА ПОДУШНОЙ ПОДАТИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.¹**

В отечественной историографии сформировалось определенное представление о том, как крестьяне платили подушную подать. Причем, оно скорее имплицитно заложено в разных трудах, как некое привычное, но аморфное, знание. Его базовые положения можно сформулировать следующим образом. Крестьяне подвергались сильной эксплуатации со стороны государства и владельцев, подушная подать была разорительной, крестьяне находились под жестким фискальным давлением (правеж)². Эта картина кажется неизменной на протяжении всего имперского дореформенного периода. Роль помещиков, особенно мелкопоместных провинциальных помещиков, не совсем ясна. С одной стороны, дореволюционные авторы считали, что часть помещиков участвовала в платеже подушной подати, а советские и современные историки склонны считать, что помещики были выключены из фискальной цепочки. Участие провинциальных чиновников при сборе подушных денег, по мнению историков, ограничивается взятками или подарками «в почесть»³. Все три указанные группы (крестьяне, местные помещики и чиновники) предстают в качестве «anonymous contributors to statistics on conscription, taxes...»⁴.

И наверно, не вызвала бы подобная историографическая конструкция особых возражений и удивления, если бы не несколько моментов.

Во-первых, центральное правительство проявляло повышенный интерес к подушной подати, как налогу, целенаправленно идущему на финансирование армии, предмету неусыпных забот императоров и императриц. Подушная подать формировала от 40 до 60 % государственного бюджета⁵. При этом с одной стороны, центральное правительство требовало жестко соблюдать сроки платежа, тщательно фиксировать все финансовые операции, вводило жесткие санкции за недоимки в отношении крестьян, помещиков и чиновников.

¹ Данная работа выполнена в рамках программы «Карамзинские стипендии: Стажировка в Школе гуманитарных исследований РАНХиГС–2013», поддержанной Фондом Михаила Прохорова. Автор выражает благодарность сотрудникам Российского государственного архива древних актов за содействие в работе с архивным материалом.

² Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX века. М., 2006. С. 129.

³ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 137.

⁴ Scott James C. Weapons of the weak. New Haven, 1985. P. 28–29. Скотт писал только о крестьянах, но я думаю, что эту метафору можно распространить на три указанные социальные группы.

⁵ По расчетам С.М. Троицкого.

С другой стороны, фактически сформулировав в законе общие правила «игры», государство самоустранилось от решения ряда важных, как частных, так и общих вопросов: например, практики разверстания налога, практики выборов земских комиссаров от земли, формулирования самих процедур платежа и «выбивания» недоимки, переложив все заботы об этом на самих плательщиков и местных чиновников.

Во-вторых, в таких условиях была достигнута хорошая собираемость подушной подати, и вопрос состоит в том, как это произошло. Как на местах взаимодействовали местные, как правило, не высокой квалификации, чиновники, помещики, которые должны были отдавать часть своего дохода в пользу государства, коль скоро налог был разложен на крестьян, и собственно крестьяне, которые не должны были быть заинтересованы в платеже?

В рамках данной работы коснемся только одного из базовых, на наш взгляд, аспектов при уплате подушной подати, – «сближении» государства и налогоплательщиков: с одной стороны, государство пытается включить всех помещиков и крестьян в процесс сбора данного налога, с другой, крестьянство регулярно контактирует с местным чиновничеством («государством») при платеже. Это первая попытка осмыслить имеющийся в наличии достаточно фрагментированный материал.

«Приближение» государства к налогоплательщику фактически было начато с попытки проведения переписи всего мужского населения, а впоследствии ревизии результатов переписи, но мы будем говорить о других примерах, в частности о первых выборах земских комиссаров, проводившихся еще до непосредственного введения подушной подати. «Земской комиссар должен его Царскому Величеству и Ея Величеству Государыне и Высоким Наследникам верной, честной и правдивой слуга быть, пользу их и благополучие всякими образы и по всей возможности искать и споспешествовать; убытки, вред и опасность отвращать, и отвращать, и благовременно о том уведомлять, како сие доброму слуге и подданому должно...»⁶. На примере выборов земских комиссаров 1723 года в Тульской провинции⁷ рассмотрим, как на практике осуществлялся выбор тех, кто успешно справлялся со сбором подушной⁸.

По закону в выборах земских комиссаров должны были участвовать все помещики провинции, и первые выборы должны были быть завершены к октябрю 1723 г. Описание выборов в Тульской провинции показывает, что местные власти пытались претворить закон в жизнь буквально, т. е. они требовали, чтобы в выборах участвовали лично все помещики. Технически это было осуществлено следующим образом. Несколько команд с реестрами, включавшими всех помещиков, владеющих имениями, на определенной территории,

⁶ ПСЗ-I. № 3295.

⁷ РГАДА. Ф. 449. Оп. 1. Д. 52.

⁸ ПСЗ-I. № 5638.

было отправлено по уездам с целью привезти помещика или его представителя в Тулу. В указе, имевшемся на руках команд, отдельно было оговорена возможность укрывательства помещиков: «...ежели оные помещики ...укрывающа ...велено взят людей их и крестьян человека по три или по четыре и взяв привести их в Тулу...». Забегая вперед, скажем, что до конца октября земские комиссары выбраны не были.

В указе также указывалось, что «многие люди» по посылкам в Тулу явились и ожидают тех (многих), кто не приехал в первый раз. Например, по одному из реестров по Алексинскому уезду видно, что 6 приехали, 16 – нет, и только в одном случае была указана причина (нахождение в Москве)⁹. По одному из реестров из Тульского и Дедиловского уездов¹⁰ отсутствовали 8 из 16 помещиков, при этом местным командам не удалось забрать крестьян у помещиков, не пожелавших участвовать в выборах. «Подполковник Степан Константинович Крюков за болезнь в Тулу не поехал, крестьян взять не дал», «Федор Дмитриев сын [...] в дому не изъехал люди и крестьяне его укрылись». Поэтому не удивительно, что и вторичная посылка солдат в деревни уезда не привела к желаемому результату, никто не явился¹¹.

Сложившаяся ситуация, в которой часть уездных помещиков вынуждена безвыездно жить в Туле в ожидании выборов, стала поводом для обращения лейб-гвардии капитана и тульского провинциального воеводы. В прошении особо оговаривалось, что местные помещики боятся быть оштрафованными. Было ли удовлетворено прошение помещиков из материалов дела не ясно, но 18 ноября было принято решение:

Из помещиков тульской провинции Матвей Кириллов сын Ивашкин, Степан Елисеев сын Хомяков, Иона Борисов сын Вельяминов, Борис Львов сын Кологривов и выбор на них написан х которому уездные люди по многим посылкам сего ноября по первое число съехався в Тулу подписали а именно от шляхетства 30 человек помещиковых приказных людей и старост и выборных крестьян тульского уезду приказных 19 старост да выборных 11 крапивинского уезду приказных 22 старост 23 алексинского уезду приказных 18 старост 13 дедиловского уезду приказных старост 25 епифанского уезду приказных 2 старост 3 тeneвского уезду приказных 16 старост 37 всего 205 человек а з другими уездными людьми для высылки в тулу к выбором оных камисаров и для [подписки о квартирах] посланы ис тульской провинциальной канцелярии многие служилые люди по наказам и как оные все съехався в канцелярию свидетельства души известие приишлетца в скором времени а до сего времени

⁹ РГАДА. Ф. 449. Оп. 1. Д. 52. Л. 65–66.

¹⁰ Там же. Л. 42–43.

¹¹ Там же. Л. 7.

*в октябре месяце ... с этою обидою они прислали промеморию в канцелярию свидетельства душ*¹².

В конечном итоге, несмотря на требования закона, выбор был сделан в условиях отсутствия значительной части помещиков, и показательно, что трое из четырех выбранных в земские комиссары помещиков точно не присутствовали в это время в городе. После выборов выборщики разъехались, и встала проблема отыскать выбранных комиссаров.

20 ноября 1723 г. была послана команда к одному из комиссаров (Кологривову), который должен был явиться в Тулу и не отлучаться из нее под опасением, что на его имение будет наложен арест, Кологривов оказался на месте и указ подписал¹³. А за двумя другими комиссарами (Хомяковым и Вельяминовым) команды посылались дважды, но безрезультатно. В рапорте тульского солдата Павла Кочерова, посланного к Хомякову, было указано, что по словам приказчика: «помещик его Степан Хомяков в коломенской своей вотчины в селе Дворянинове и жительство в том селе имеет а что де он помещик ево Степан Хомяков выбран в комисары к сбору денежной казны и о том де он для ведения помещику своему скажет и попросит явится в тульскую канцелярию»¹⁴.

Выборы комиссаров демонстрируют два важных момента. Во-первых, фактически при отсутствии доброй воли помещика, у государства не было в середине 1720-х годов возможности принудить помещика к выполнению обязанностей. В качестве единственной меры принуждения помещика государство рассматривало «изъятие» крестьян, но эта мера явно не была очень действенной. Во-вторых, в выборах должны были принимать участие ВСЕ помещики, был составлен их реестр, к каждому были направлены посыльные, факт приезда в деревню отмечался. Фактически государство пыталось «добраться» до каждого налогоплательщика, причем это правило действовало не только по отношению к помещикам, но и крестьянам.

Приведем в качестве примера ознакомление сельских обществ с указом о запрете сбора подушных денег в летнее время и рабочую пору¹⁵. Указ от 11 мая 1730 г. гласил: «если кто дерзнет в деревню прибыть, то обывателям ловить и присылать в губернскую канцелярию дабы от таких не было крестьянам разорения...». В нем прописывалось, что местные посыльные команды, которые являются, или должны являться, представителями центральной власти на местах ставятся под контроль обывателей в деревнях. Для знакомства с этим указом был составлен реестр деревень, вручавшийся пищикам, и напротив каждой деревни по этому реестру представитель от крестьян должен был приложить руку. Так, «велено мне пищику Никите Головашкину ехать в

¹² Там же. Л. 19–20.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 113.

володимирский уезд в полской да [вылмегоцкой] станы»¹⁶. В данном реестре было 153 подписи напротив каждого населенного пункта, такие же пищики и копиисты были посланы в другие станы Владимирского уезда.

Подобные практики, по всей видимости, были распространены и возможны постольку, поскольку была проведена ревизия, был составлен «реестр» помещиков, крестьян, деревень, подлежащих налогообложению. Эти примеры, на наш взгляд, могут в определенной мере свидетельствовать, что «государство» стремилось максимально «приблизиться» к налогоплательщику.

При этом и крестьяне со своей стороны в рамках платежа подушной вынуждены были регулярно контактировать с «безликим» государством, а это в свою очередь, на наш взгляд, вынуждало крестьян «осмыслять» подушную подать, выделять ее из ряда других денежных и натуральных повинностей, кажется, что подушная подать имела особое значение в крестьянской среде.

Для ответа на вопрос: «Насколько были интенсивны контакты крестьян и местного чиновничества?», – лучше всего подходит такой широко распространенный источник как квитанции по подушной подати. Несмотря на хорошую сохранность квитанций в целом, можно считать уникальным сохранность комплекса квитанций по уплате подушных на протяжении всего XVIII в. по одному поместью¹⁷. Именно этот комплекс лег в основу приводимого ниже анализа.

Название «квитанции» документ получил не сразу, в законе в самом начале он назывался «отпись». Первый раз слово «квитанция» на данном документе появляется в 1753 г. в платеже за вторую половину года. До этого в данном комплексе источников этот документ особым образом не называется. Мы будем называть его квитанцией для любого периода.

Его форма в 20–40-е годы меняется, и у нас нет ощущения, что изменения формы данного документа связаны с лицами, непосредственно его составлявшими: с писарями, канцеляристами и копиистами. И одно изменение формы мне представляется интересным для понимания статуса подушной подати в целом. В 1720-х – первой половине 1730-х годов в документе указывалось, на какой полк поступают платежи, а потом куда именно платится. «По указу ЕИВ принято на резанской драгунской полк которой зарплатою и квартирами определен в свияжском дистрикте кокшайского уезду починков что на ключах помещика князя Михаила Дмитриева сына Уракова мужеска полу с 75 душ»¹⁸. В 1737 г. из квитанции исчезает формулировка на какой полк идет платеж, а остается просто фраза: «по указу ЕИВ принято в кокшайской воеводцкой канцелярии в казну ЕИВ денежной казны на сей»¹⁹. Но здесь важно

¹⁶ Там же. Л. 27–47.

¹⁷ НИОР РГБ. Ф. 221. Карт. XIV. Ед. хр. 19, 24.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 18.

учесть, что во второй половине 1730-х годов формы ведения финансовой документации были определены из центра. Но само изменение направленности платежа подушных денег с полка на канцелярию, кажется значимым. А с 1780-х годов квитанция «обрастает» указаниями на документацию уездного казначейства (окладная книга, настольный входящий реестр, настольный исходящий реестр), что в целом можно рассматривать как бюрократизацию самого процесса уплаты подушной.

Квитанции были важны для всех участников фискальной цепочки, но в первую очередь, для самих плательщиков, потому что являлись по закону доказательством факта платежа. В них фиксировались дата, сумма платежа, период, за который осуществлялся платеж, кто отдавал и кто принимал деньги.

Для нашего анализа важно, что в этом документе указаны имена крестьян, приказчиков, чиновников, т. е. непосредственных участников платежа подушной подати. Это самый нижний кирпичик всей фискальной цепочки, благодаря которому можно ответить на вопрос: кто именно (крестьяне, помещик, часть крестьянской общины) и как часто соприкасались с «чиновничеством».

Оценим интенсивность подобных контактов для не крупного владельческого хозяйства (до 100 душ) – основной тип помещичьих хозяйств Центральной России, в котором помещик не жил²⁰.

В деревне по первой ревизии проживало 75 душ мужского пола. С 1727 по 1747 г. сохранилось 27 квитанций, следовательно, фиксируется 27 поездок в провинциальную канцелярию. В канцелярии побывало 20 человек, с учетом того, что некоторые имена повторяются дважды. При этом, несмотря на то, что фиксируется только один человек, как правило, в канцелярию ездили по двое или трое.

Важно, что постепенно ротация крестьян, ездивших в провинциальную канцелярию, сокращается. Так, по 1765 г. за 30 поездок съездило 20 крестьян, а по 1782 г. за 30 поездок уже 15 человек. До 1750-х годов ездили выборные, реже старосты, а с 1750-х годов в канцелярию ездили только отдатчики. А с конца 1780-х годов в квитанции стоит слово «плательщик»²¹, причем в одном случае в качестве плательщика указан Борис Бестужев, который был сам владельцем²².

Исследования показывают, что выборные могли и не заниматься собственно сбором подушной²³, а отдатчики скорее всего не занимались, поэтому число крестьян, вовлеченных непосредственно в сбор подушной подати, т. е. не просто тех, кто платил, а кто организовывал платеж в общине и

²⁰ Исходя из исследований В.Д. Димитриева.

²¹ НИОР РГБ. Ф. 221. Карт. XIV. Ед. хр. 24. Л. 9.

²² Там же. Л. 13.

²³ Гагиева А.К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в. Диссерт. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987.

в последующем в провинциальной канцелярии, равняется всему мужскому взрослому населению среднего хозяйства. В этих условиях сложно представить, что крестьяне не выделяли подушные деньги из общей массы платежей, скорее наоборот.

В связи с тем, что, как кажется, крестьяне вполне могли осмыслять подушную подать как отдельный платеж, важно посмотреть, что и когда крестьяне говорят о подушной подати.

В существующей историографии традиционно делается акцент на жалобах крестьян на невыносимость подушных платежей. Так, оброчные крестьяне Льва Нарышкина в Шацком уезде в своей челобитной от 1730 г. указывали, что за семь лет (1723–1729 гг.) из уезда бежало оброчных крестьян «с тысяча дворов крестьянских з женами и з детьми наипаче от перебору подушных денег»²⁴. «Для большинства крестьян подушная подать и оброк были невыносимо высокими...». Как писал управитель оной волости (Краснослободской) И.П. Лосев, «оная недоимка невовзятые за всеконечную пустотою, нищетою; за недородом хлеба, за падежом скота и за пожарным разорением»²⁵. Подобные примеры встречаются и в наших архивных материалах. В 1725 г. великолуцкие крестьяне писали об этом в донесениях на имя А.Д. Меньшикова: «...того ради что как оной оклад на нас положен [когда] в тех вотчинах пустоты не было а пахаты на вашу светлость было самое малое число а хоромного строения и других работ ничего не было так же и **государственныя подати тогда были легче ныненишних подушных денг**»; «...и за вышепоказанными **несносными государственными платежами** ...то истенно все тяглые наши жеребьи запустеют и вашей светлости домовые пахотные работы останоятся»²⁶.

Обратим внимание, что все указанные нами примеры относятся к самому началу введения подушной подати, и крестьяне оценивают ее, или по крайней мере считают важным написать, что государственные платежи невыносимы.

Но в наших материалах, мы встречаем и другую тенденцию. Начиная со второй половины 1730-х годов, т. е. спустя десятилетие после введения подушной подати, в ряде документов начинают использоваться риторические конструкции, которые можно рассматривать как давление на власть²⁷, в условиях, когда других возможностей «сопротивляться» у крестьян не было.

Приведем примеры подобных речевых конструкций в комплексе доношений от синодальных вотчин за взятки и лихоимство воеводы Зуева и его свойственника Чернцова.

²⁴ Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М., 1958. С. 96.

²⁵ Заварюхин Н.В. Мордовия в XVIII в. Крестьянство и аграрные отношения. Диссерт. ... доктора ист. наук. М., 1994. С. 302.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 229. Д. 194. Л. 33, 31.

²⁷ Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия. Сборник статей. Под ред. О. Хархордина. СПб.-М., 2001. С. 54.

1 июля 1735 г. поступило доношение от Переславля-Залесского уезда Борисоглебского стана синодальной вотчины села Покрова (Антониева пустыня) от выборного Никиты Семенова с товарищами. В этом доношении они жаловались на воеводу Зуева и канцеляриста Чернцова: «А иные той же переславской провинциальной канцелярии как подъячие так и розсылщики видя от него воеводы и от помянутого Чернцова налоги и разорения и без указов и придаточных солдат и без понятых приезжают как в то село Покров и бьют их и мучают и их под принуждения берут у них как себе на пищу всякой харчъ вино и пиво и конской корм сено и овез и вебе во взятки денги о чем при следствии ясно доказать могут. ... а ежели о том следствия будет не учинено то оная их вотчина и село Покров от той переславской провинциальной канцелярии и горшая придет во всеконечное разорение и платежа **как подушных денег так и протчих положенных государственных сборов** за таковым от разорения и взяток неимуществом отбудет скоро»²⁸.

В доношении от сотского Андрона Давыдова написано: «А оная провинциальная канцелярия а паче воеводкой свойственник канцелярист Чернцов не взирая на убожество и за гладом на горестные и злезные те безуказные сборы таковыми ж нападками и более простираютца и ко взятком от чего та их синодальная вотчина и горшее придет всеконечное разорение **и от того платежа подушных денег может нанести немалое несходство**»²⁹.

В доношении от другого соцкого тот же рефрен: «А в прошлом году 734 году за хлебной недород а паче к тому с малого числа дворов от таких же нападков за скудостью и неимуществом от подайня тех сказок ... дать от тех сказок нечего.... от которых от малого числа дворов лихоимством те их синодальные деревни весма пришли в скудость и разорение и **в платеже подушных денег от таковыя неуказных сборов могут прийти в глубокую доимку**»³⁰.

Фактически крестьяне нашли узкую лазейку, которая позволяла им давить на власть, тогда, когда действия чиновников переходили с их точки зрения границы допустимого. Об этом же строго говоря пишет Л.М. Артамонова, анализируя наказания государственных крестьян: «Решительней выступали крестьяне в отношении других налогов и повинностей. При этом крестьяне старались представить их как излишнее и даже незаконное отягощение, как помеху в несении основного государственного налога – подушного оклада»³¹.

В целом, подушная подать глубоко вросла в крестьянскую жизнь, что была включена в систему расчетов между крестьянами, выступая в качестве

²⁸ РГАДА. Ф. 304. Д. 386. Л. 42–43 об.

²⁹ Там же. Л. 43 об–44.

³⁰ Там же. Л. 47.

³¹ Артамонова Л.М. Требования государственных крестьян Поволжья в уложенную комиссию 1767–1769 гг. Диссер. ... кандидата ист. наук. Куйбышев, 1985. С. 132.

платы за аренду земли³² или поденной платы. У нас нет однозначного ответа почему, возможно потому, что подушная подать была удобной, привычной, не меняющейся на протяжении долгого времени величиной, к которой можно было свести другие платежи. И подобное включение этого понятия в крестьянскую жизнь косвенно свидетельствует, что этот платеж имел особое значение для крестьянского мира, возможно, в том числе и потому, что при его уплате происходило тесное взаимодействие крестьян с помещиками и чиновниками, на фоне того, что государство проявляло особую заинтересованность в бездоимочном платеже этого налога.

Таким образом, сделаем осторожное предположение, что имеющийся в нашем распоряжении материал в определенной степени показывает, что при сборе подушной подати происходило «сближение» безликого государства и налогоплательщика (в лице и крестьян, и помещиков), и этот процесс был двухсторонним. Заинтересованность государства в бездоимочном платеже была не просто законодательно закреплена, она транслировалась в «персональном» знакомстве с указами, в привлечении всех помещиков к выборам лиц, осуществлявших сбор подушной. В этих условиях, по всей видимости, подушная подать приобретает особое значение в крестьянской среде и используется как способ надавить на власть для защиты собственных интересов.

³² Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов) / Под ред. П.П. Епифанова. Чебоксары, 1959. С. 148.